

УДК 930

DOI 10.21661/r-115890

*С.Л. Данильченко***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.В. СТАЛИНА ПО УКРЕПЛЕНИЮ НОВОЙ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (МАЙ 1918 г. – МАРТ 1921 г.)**

Аннотация: автор статьи отмечает, что изучение централистской деятельности большевиков убедительно приводит к выводу о том, что знамя единой России было поднято И.В. Сталиным для решения конкретных геополитических проблем новой России, связанных с иностранной интервенцией и Гражданской войной, а также осознанием пагубности сепаратистских процессов для стабильного развития новой российской государственности.

Ключевые слова: борьба различных идеологий, социальные группы, вмешательство иностранных держав, защита национального суверенитета, разрушение российской государственности, национально-государственная политика, большевистская власть, борьба с сепаратистскими движениями, национальные автономии.

*S.L. Danilchenko***I.V. STALIN'S ACTIVITIES ON CONSOLIDATION OF THE NEW
RUSSIAN STATEHOOD (FROM MAY 1918 TILL MARCH 1921)**

Abstract: the author considers, that the Central activities of the Bolsheviks study convincingly leads to the conclusion that the banner of United Russia was raised by Stalin to solve the specific geopolitical problems of the new Russia-related foreign intervention and Civil war, as well as awareness of the separatist processes disutility for the stable new Russian statehood development.

Keywords: the struggle of different ideologies, social groups, the foreign powers intervention, the national sovereignty protection, the destruction of the Russian statehood, nation policy, the Bolshevik government, the fight against separatist movements, national autonomies.

В 1918–1921 годы новая Россия подверглась суровым испытаниям. Борьба различных идеологий и социальных групп тесно переплелась с политическим соперничеством за влияние в различных регионах бывшей Российской Империи. С момента прямого вмешательства иностранных держав во внутренние дела нашей страны, большевики были поставлены перед исторически обоснованной необходимостью защиты национального суверенитета, а их противники стали орудием разрушения российской государственности в руках иностранцев. Британский историк Эдуард Харлет Карр совершенно справедливо заметил, что в указанный исторический период борьба между национальным пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и национальной буржуазией – с другой, на самом деле оказалась «борьбой между русскими большевиками с одной стороны, и, с другой стороны, русскими и нерусскими противниками большевиков за контроль над определенными территориями. Выбор делался не между зависимостью или независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира» [1, с. 220]. Такое соотношение сил оказало решающее влияние на национально-государственную политику большевистской власти, которая ради своего самосохранения начала решительную борьбу с различными сепаратистскими движениями, координировавшими свою деятельность с иностранными государствами.

После Брестского мира большевики окончательно пришли к пониманию простой политической истины – судьба любой власти напрямую зависит от защиты территориальной целостности страны. Наиболее последовательным центристом среди советского руководства в то время был И.В. Сталин, который сначала неприязненно, а затем непримиримо относился к сепаратизму. С мая 1918 года по март 1921 года в национально-государственной политике Сталина можно выделить два стратегических направления: первое направление – поддержка возникновения новых национальных автономий в составе РСФСР; второе направление – борьба за воссоединение с РСФСР других «отпущенных» ранее и утраченных в результате завоеваний противника территорий. Указанные выше хронологические рамки обусловлены тем, что май 1918 года стал первым месяцем

активной практической реализации сталинской федеративной модели, а март 1921 года ознаменовал собой первый крупный геополитический успех большевиков и лично И.В. Сталина после разгрома главных сил интервентов и Белого движения – советизацию Закавказья.

Поддержка возникновения новых национальных автономий в составе РСФСР осуществлялась Сталиным в интересах укрепления центральной власти и одновременно как широкомасштабная пропагандистская акция, демонстрирующая неприсоединившимся к РСФСР народам преимущества новой национальной политики. Предоставление народам атрибутов своей государственности, невмешательство центра в их культурную и религиозную жизнь, постоянно подчеркиваемое уважение к их традициям, идущие из Москвы – все эти меры были призваны укрепить авторитет центральной власти и территориальную целостность РСФСР. На первых порах этот процесс имел немало изъянов. В 1918 году национал-сепаратисты были достаточно сильны, чтобы противостоять политике Москвы, да и местные социалисты были в значительной степени заражены национализмом. Кроме того, значительные уступки центра националам нередко вызывали противодействие у некоторых местных властей, которые были вынуждены поступаться своими землями в пользу нововозникших автономий. Все эти обстоятельства серьезно осложняли отношения центра и окраин.

Весьма показательна в этом плане история Татаро-Башкирской республики. Придумав эту республику в узком кругу Коллегии Наркомата по делам национальностей, И.В. Сталин породил лишь химеру автономии. Весной 1918 года почти сразу после разработки Положения о Татаро-Башкирской республике в центр пришла телеграмма от 4-го съезда горнозаводских рабочих и крестьян Южного Урала за подписью одного из руководителей Уральского обкома Павла Варфоломеевича Точисского. От имени съезда Точисский выразил резкий протест против этого Положения, по которому «Башкирдастану подчиняется коренное заводское русское население», и потребовал «присоединения Южного Урала к Уральской области с центром в Екатеринбурге» [2, л. 7]. В апреле 1919 года против Татаро-Башкирской республики выступили лидеры перешедших на сторону Советской власти

башкирских националистов Валидов (Ахмед-Заки Ахметшаевич Валиди) и Х.Ю. Юмагулов. 23 апреля 1919 года они отправили в Москву телеграмму с требованием «до выяснения вопроса о татарской автономии необходимо аннулировать Положение о Татаро-Башкирской республике, каковое является опорой агитации татар для разложения Советской Башкирии». Поводом для подобного требования послужила деятельность работников Уфимского и Татарского ревкомов, которые используя удостоверения РВС, выданные для формирования татаро-башкирских частей, старались «всяческим путем разрушить башкирское войско, агитируя среди башкирских солдат за переход в мусульманские татаро-башкирские полки» [3, л. 55]. В конце концов, такого рода конфликты и похоронили идею автономной Татаро-Башкирской республики.

Большевики очень быстро научились лавировать между интересами различных национальностей и добиваться поставленных целей. Первым удачным опытом стало создание автономии немцев Поволжья. Еще в мае 1918 года при образовании Поволжского Комиссариата по делам национальностей И.В. Сталин и нарком внутренних дел Григорий Иванович Петровский специально указали на необходимость того, чтобы «постановления губернских и уездных Советов, затрагивающие интересы трудового населения немецких колоний, проводятся с ведома и по согласованию с Поволжским Комиссариатом по делам национальностей» [4, л. 1]. Следует отметить, что Сталин уделил судьбе российских немцев особое внимание. В 1918 году, после заключения Брестского мира с Германией, образование немецкой автономии в Поволжье представляло собой своеобразную превентивную меру против образования внутри России иностранной «пятой колонны». Даже после падения монархии в Германии и расторжения Брестского мира в ноябре 1918 года, И.В. Сталин проявлял о немцах повышенную заботу, осознавая, что такую организованную и живущую внутри России диаспору, как немецкую, лучше иметь в друзьях, а не во врагах. Поэтому в декабре 1918 года Сталин обращается к наркому финансов Н.Н. Крестинскому с настоятельной просьбой о сокращении чрезвычайного революционного налога для Трудовой Коммуны немцев Поволжья, объясняя это тем, что «немецкие кулаки, пользуясь

предоставленным им Брестским договором правом реэмиграции, успели перевести свои деньги и ценности через германскую комиссию в Германию. Как в настоящее время документально установлено, германская Комиссия в Саратове перевела за август месяц 3,5 млн рублей, за сентябрь – 9 млн, а в октябре она обещала Германскому Консульству в Москве переводить не менее 1,5 млн рублей. Таким образом, всего выкачано – не менее 19–20 млн рублей, не считая ценностей» [5, л. 2]. В данном историческом эпизоде отчетливо просматривается прообраз будущей политики налогообложения субъектов Федерации как одного из главных сталинских инструментов управления СССР и РСФСР.

В 1918–1921 годах И.В. Сталин начал реализовывать на практике эту политику. Так, в ноябре 1921 года при разработке декрета ВЦИК и СНК РСФСР об Автономной Дагестанской Социалистической Республике, он указал, что «всеми необходимыми финансовыми и техническими средствами Автономная ДССР снабжается из средств РСФСР, при распределении продуктов местной промышленности запросы и нужды ДССР удовлетворяются в первую очередь» [6, л. 2]. Такая политика имела большие шансы быть поддержанной автономиями. Немаловажное значение в укреплении новой российской государственности играло очень важное обстоятельство, как правило, выпадающее из поля зрения современных исследователей. Речь идет о сложившемся в годы Гражданской войны и интервенции народном представлении: «большевики и коммунисты не одно и то же». Михаил Самуилович Агурский (1933–1991), известный публицист, диссидент с 1970-х годов, уехавший в Израиль, считал, что большевики ассоциировались у народа, прежде всего с «русскими», которые «дали народу землю», в то время как коммунистам «приписывали инородческое происхождение и стремление навязать народу новое иго». М.С. Агурский писал и о том, что «с коммунистами связывали имена Троцкого и Зиновьева, но не Ленина. Это убеждение незаметно преобразуется в один из основных принципов национал-большевизма. Возникает миф о «большевике» Ленине как о пленнике евреев, от которого коммунисты скрывают правду» [7, с. 67]. Такие представления сформировались у восставших весной 1919 года донских казаков. 22 апреля 1919 года член Донбюро ЦК РКП (б) Сергей

Иванович Сырцов докладывал на заседании Оргбюро ЦК о том, что в основу политической платформы казаков положен тезис: «Не против Советской власти, а против комиссаров-коммунистов» [8, с. 121–122]. Но если казаки выдвигали этот лозунг, в знак протеста против политики «расказачивания», проводимой на Дону в большинстве своем именно «инородцами», то националы брали его на вооружение как щит не только от насильственного насаждения коммунизма, но и как меч, направленный против реставрационных устремлений белых генералов и против элементарного грабежа интервентов.

Показателен в этом плане один любопытный документ июля 1920 года – телеграмма начальника агентуры Особого отдела Терской областной ЧК председателю Терского обревкома. В ней, в частности, сообщалось о том, что 8 июля 1920 года «на съезде делегатов Правобережной Осетии в Назрани по вопросу о коммунизме, обсуждавшемся вместе с ингушскими представителями, была вынесена резолюция следующего характера: «Протестовать всеми мерами, а в случае надобности и с оружием в руках, против насаждения коммунизма среди туземцев, оговариваясь, между прочим, что, борясь против коммунизма, будем поддерживать Советскую власть» [9, л. 94]. Подобные настроения Сталин старался максимально использовать для укрепления российской государственности, искусно лавируя между интересами различных национальностей, учитывая ошибки, допущенные политическими противниками большевиков.

Об этом свидетельствует история с переходом башкирских националистов от А.В. Колчака к Советской России. В начале февраля 1919 года лидеры башкирских националистов, испытывая презрительное отношение Колчака к национальным проблемам, в течение одного дня перешли на сторону большевиков. 8 февраля 1919 года правительство Башкирии выработало условия вхождения в РСФСР, беря на себя обязательства «начать борьбу, как с российской контрреволюцией, так и с мировым империализмом и «неуклонно проводить в пределах Башкирии Социалистическую Советскую форму правления» согласно Конституции РСФСР 1918 года: «1) немедленно, не дожидаясь Всероссийского съезда Советов рабочих,

крестьянских и солдатских депутатов, признать Башкирскую республику в пределах малой Башкирии; 2) оказать всемерную финансовую поддержку Башкирской Советской Республике; 3) немедленно снабдить Башкирское революционное войско всем ему необходимым для борьбы с контрреволюцией на общих основаниях с Красной Армией; 4) охрану революционного порядка и спокойствия в Башкирской Советской Республике поручить Башкирским революционным войскам» [10, л. 12]. С этим проектом соглашения башкирская делегация отправилась в Москву. 9 марта 1919 года И. Сталин и его заместитель по Наркомату по делам национальностей А. Каменский приняли башкирскую делегацию. Результатом переговоров стало подписание договора между РСФСР и Башкирией, в котором были учтены все условия башкирского правительства. Башкиры получили даже больше, чем хотели, помимо территории малой Башкирии им еще достались 5 волостей Челябинского уезда, 2 волости Оренбургского и волость Бузулукского уездов. В § 3 договора указывалось, что эти волости передаются башкирам, так как во времена Столыпина были отделены от Башкирии для русских крестьян-переселенцев. Помимо этого щедрого подарка Сталин предложил башкирскому правительству пополнить башкирское войско одной дивизией и заверил башкир в том, что это войско будет полностью финансироваться из общероссийского военного фонда [11, л. 3, 7]. Для обеспечения лояльности башкир к центральному правительству, И.В. Сталин принял такое же активное участие в улаживании конфликта между командующим башкирским войском Валидовым и командованием нескольких дивизий 1-й армии Восточного фронта. Конфликт возник из-за того, что красные командиры поспешили разоружить башкирское войско после его перехода от Колчака на сторону большевиков. В нервных телеграфных переговорах с Москвой Валидов (Ахмед-Заки Ахметшахович Валиди) ультимативно заявил: «мы отказываемся проводить в жизнь Башкирскую Советскую республику, если войска не будет». Сталин поспешил заверить Валидова в том, что военным даны соответствующие директивы, но на их выполнение нужно время, так как командиры пока еще действуют только «в рамках военной целесообразности, не очень считаясь с нуждами башкир» [12, л. 31–32]. Вскоре ситуация нормализовалась. 13 марта

1919 года командование 1-й армии приказало командованию 24-й стрелковой и 1-й Пензенской дивизий «немедленно прекратить недоброжелательное отношение к башкирскому населению и войску» и «в наикратчайший срок расследовать кем, когда и по чьим распоряжениям производилось хищение правительственного и войскового имущества в башкирских деревнях». 24 марта 1919 года после бегства 1-го кавалерийского башкирского полка обратно к Колчаку, член РВС 1-й армии Оскар Юрьевич Калнин приказал виновных в «бесчинствах» в отношении башкир «расстреливать без суда» [12, л. 44, 51].

И.В. Сталин не останавливался перед крайне жесткими мерами в целях обеспечения лояльности националов к Советской власти. Всю тяжесть сталинского гнева испытало на себе казачье население Терской области. Осенью 1920 года по инициативе Орджоникидзе, поддержанной Сталиным, несколько станиц этой области были «очищены» от казаков и заселены кавказцами за то, что казаки поддерживали «деникинские банды». И.В. Сталин вообще склонялся к тому, чтобы выселить казаков из Терской области, считая, что «сожительство казаков и горцев в одной административной единице оказалось вредным и опасным» [13, с. 252–253]. 26 октября 1920 года он телеграфировал Ленину о том, что «горцы показали себя с лучшей стороны, в большинстве случаев с оружием в руках выступали совместно с нашими частями против бандитов; несомненно, что Кавбюро и Орджоникидзе вели нашу линию умело... не сомневаюсь, что если бы в Туркестане велась наша политика также умело, не было бы у нас десятков тысяч басмачей» [14, л. 7]. Сталин естественно умолчал о том, что большевики смогли повести большинство кавказцев за собой, только купив лояльность горских племен перспективой получения бывших казачьих земель. Большевики добивались лояльности кавказцев-мусульман и тем, что не посягали на шариат, тем самым выбивая козырную карту у таких своих противников, как у имама Нажмутдина Гоцинского, пытавшегося стать вторым Шамилем, публичным защитником ислама и шариата. Но второй Шамиль не получился, несмотря на все таланты и кипучую деятельность Гоцинского. Предо-

ставляя Дагестану автономию, И.В. Сталин лично заверил горцев в том, что «советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию» [15, с. 396].

В борьбе за территории и за лояльность народов, их населяющих, Сталин проявлял не только гибкую маневренность, но и определенное новаторство. Так, именно от него и его коллег по Наркомату по делам национальностей исходили различные инициативы по организации в Красной Армии национальных формирований. Первым показательным примером послужила организация Мусульманской Рабоче-крестьянской армии. Постановлением Наркомата по делам национальностей от 2 мая 1918 года организация этой армии была возложена на Центральный Татаро-Башкирский Комиссариат [16, л. 1]. И.В. Сталин придавал этой работе первостепенное значение и делал все возможное, чтобы организация национальных формирований была монополией Наркомата по делам национальностей. 7 мая Коллегия Наркомнаца постановила «признать недопустимым образование национальных отрядов Красной Армии лишь на территории одной национальности (например, Украина, Башкирия, Армения и т. д.); во-вторых, что касается национальных отрядов, образованных из беженцев, эмигрантов и пр. (например, польских, литовских и пр.), допускается образование их в виде исключения (например, латыши) при безусловной гарантии заинтересованного Национального Комиссариата (и национальной Советской социалистической партии) относительно политической надежности, что данные отряды не попадут в руки националистов и буржуазии» [17, л. 89]. Это решение было сообщено Троцкому, к которому Сталин имел определенные претензии в вопросе об организации национальных частей Красной Армии. В своем письме на имя Наркомвоенмора от 8 мая 1918 года И.В. Сталин с плохо скрываемым раздражением указывал на тот факт, что «различные польские буржуазные ставленники обращаются к Вам с предложениями организовать национальные польские полки..., зачастую обращаются к Вам с этими предложениями лица, находящиеся по нашему почину под судом и следствием за организацию контрреволюционных выступлений, направленных против

Советской власти. Все это заставляет нас обратиться к Вам с настоятельной просьбой о том, чтобы Вы впредь не делали никаких начинаний в области организации национальных частей и отрядов без предварительного на этот счет согласия в каждом конкретном случае Народного Комиссариата по делам национальностей» [17, л. 88].

Подобные опасения насчет деятельности военного ведомства в вопросе организации национальных частей имели под собой почву. Создавая такие части, большевики серьезно рисковали, будучи на первых порах вообще нечувствительны к изменам в своих вооруженных силах. Достаточно только вспомнить о дезертирстве Станислава Никодимовича Булак-Балаховича и некоторые другие случаи предательства военспецов в 1918–1919 годы, в одном из которых, при обороне Петрограда в 1919 году, бывшие офицеры снабдили генерала Н.Н. Юденича всей необходимой информацией и готовились выступить в его поддержку совместно с подпольной организацией «Национальный центр». Сталин стремился нейтрализовать всякие возможные изменения в национальных формированиях и потому действовал чрезвычайно осмотрительно. Так, в марте 1919 года он высказывается против формирования национальных киргизских частей, сообщая в РВС о том, что «будучи раньше сам сторонником мобилизации киргиз... я, однако, после специального совещания киргиз-коммунистов убедился в несвоевременности мобилизации. Мотивы:

- 1) киргизы сейчас на распутье, они пока ненадежны, вооружать их, значит рисковать вооружением;
- 2) мобилизация в данный момент может создать среди киргиз перелом против нас;
- 3) целесообразнее будет привлечь киргиз на военную службу на началах отбора, «добровольчества» с тем, чтобы организованные таким образом части вошли в общую систему строя фронта в смысле известного положения о Красной армии;
- 4) Эту мобилизация нужно провести как подготовительную меру, определенно политический шаг (созыв общекиргизского съезда на территории России),

что уже делается Центром и о результатах которого будет сообщено Реввоенсовету Республики незамедлительно» [18, л. 1–2].

Когда И.В. Сталин не сомневался в лояльности какого-либо народа к большевикам и в его способности оказать помощь Советской власти в борьбе со своими противниками, он всемерно поддерживал различные инициативы по организации национальных формирований. Так, в ноябре 1918 года он обращается в Наркомат по военным и морским делам с просьбой оказать содействие члену Астраханского губисполкома Антону Мудреновичу Амур-Санану «в деле проектируемых Астраханским губкомиссариатом мобилизации и формирования пехотных и кавалерийских частей из трудовых слоев калмыков» [19, л. 1].

Привлечение различных национальностей к вооруженной борьбе за свою независимость сыграло важную роль в период Гражданской войны и интервенции. Доверяя националам оружие, большевики переигрывали белых генералов, которые с подозрением, а часто и с явной неприязнью, относились ко всяким национальным движениям на подчиненных им территориях. Большевики постепенно завоевывали симпатии у многочисленных народов бывшей Российской Империи, в особенности у мусульман Поволжья и Северного Кавказа. Важное значение для укрепления новой российской государственности имело сотрудничество большевиков с религиозной татарской сектой мусульман-ваисовцев. Гасан Ваисов мечтал о создании «Зеленой армии» для защиты «угнетенных всего мира», то есть был исламским социалистом-радикалом. Эти мечты отчасти осуществились – «соединение зеленого и красного знамен» действительно имело место. Вот что сообщал об этом в 1919 году командованию РККА командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе: «1. Согласно данным 1918 года в Казани во время попытки татарских контрреволюционеров объявить так называемую «Забулачную республику» ваисовцы боролись вместе с большевиками. 2. Глава их Гасан Ваисов был убит в Казани татарскими черносотенцами и за защиту Советской власти, и за объявление себя большевиком. 3. Секта имеет религиозно-политический характер и по существу является попыткой социально-политической реформации на религи-

озной почве. 4. По содержанию социально-политических целей секта не враждебна Советской власти. 5. Секта имеет значительное влияние в сопредельных с Туркестаном частях России» [20, л. 55]. Совместные действия с «зелеными» националами располагали к большевикам многочисленное мусульманское население России.

По мере того, как многочисленные противники Советской власти захватывали все новые территории бывшей Российской Империи, Сталин все активнее выступал с позиций защиты национальной независимости России. В сталинских речах и статьях 1918–1920 годов красной нитью проходит мысль о том, что именно большевики являются подлинными, настоящими патриотами, поскольку они и только они защищают территориальную целостность России. Так, в статье «С Востока свет», опубликованной 15 декабря 1918 года в газете «Жизнь национальностей», И.В. Сталин утверждает, что «эфемерность» буржуазно-националистических правительств окраин объясняется не только их чуждым классовым буржуазным характером, но и «прежде всего тем обстоятельством, что они являются простыми придатками оккупационных властей», что не могло не лишить их всякого «морального веса в глазах широких слоев населения» [15, с. 179]. В октябре 1920 года эта идея будет доведена Сталиным до жесткого и категоричного вывода: «требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно» [15, с. 354]. И.В. Сталин успешно реализовывал декларируемый принцип в практической сфере национально-государственного строительства и в 1918, и в 1919, и в 1920 году.

Почему большевики, и лично Сталин, смогли убедить широкие слои населения в том, что именно они являются единственными защитниками национальной независимости России? Парадоксально, но фактически одинаковый ответ на поставленный вопрос дали такие разные по убеждениям представители русской эмиграции, как лидер сменовеховцев Николай Васильевич Устрялов и двоюродный дядя Императора Николая II Великий князь Александр Михайлович. Оба считали, что Белое движение лишилось своего государственно-патриотического ореола, связав себя с интервентами, и будучи не в силах проводить самостоятельную

национально-государственную политику, оно ничего не могло противопоставить обвинениям со стороны большевиков в «продажности», «измене» национальным интересам России. Устрялов писал в начале 1920-х годов, что единство России могут обеспечить только большевики в союзе с теми русскими патриотами, которые осознают, что «на роль национального фактора современной русской жизни претендует именно Советская власть», поскольку «противобольшевистское движение... слишком связало себя с иностранными элементами и потому окружило большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе» [21, с. 59]. Великий князь Александр Михайлович, совершенно не принимавший сменовеховства, убежденный монархист – реставрационист, признавал в своих мемуарах тот факт, что вожди Белого движения, «делая вид, что они не замечают интриг союзников», сами довели дело до того, что «на страже русских национальных интересов стоял никто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской Империи...» [22, с. 256–257].

Большевики действительно не щадили сил в борьбе против расчленения России, тем самым отстаивая ее традиционное геополитическое значение в мире. Прав оказался выдающийся английский геополитик Х.Д. Маккиндер, писавший еще в начале XX века о том, что в обширном районе Евро-Азии Россия «прочно занимает центральное стратегическое положение» и «никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования» [23, с. 169]. Этот прогноз Маккиндер основывается на его личном опыте. В 1919–1920-х годах, будучи британским верховным комиссаром на Юге России, он имел возможность убедиться в бесплодности своих мечтаний опоясать Россию «санитарным кордоном» марионеточных буферных государств. В то время «буфер» удалось воздвигнуть только на западных её рубежах, да и то только на двадцать лет, а не навечно.

Одним из тех политиков, кто активно помешал этому замыслу, был И.В. Сталин. Обратимся к документам. 23 ноября 1918 года именно Сталин проводит сове-

щение с членами Российского бюро ЦК Социал-демократии Латвии, где он выдвинул инициативу скорейшего формирования Временного революционного латвийского правительства и высказал соображения по организации восстания против прогерманского правительства Карлиса Улманиса. Временное правительство, по мнению И.В. Сталина, следовало бы «провозгласить в одном из приграничных пунктов, например, Торошино... Новое Временное правительство провозглашает свою власть на территории, занятой стрелками, которых Россия посылает в наступление на Латвию. На занятой территории вступают в силу те декреты, которые уже были проведены в жизнь во время Советской власти в Латвии». Далее Сталин напомнил собравшимся, что восстание должно быть «согласованно с наступлением», поторопил их с составлением манифеста и подчеркнул, что «наша победа сильно зависит от времени» [24, л. 3–4]. Таким образом, план восстановления Советской власти в Латвии был разработан в Москве И.В. Сталиным и осуществлен на месте латышскими большевиками.

Такое же влияние нарком по делам национальностей имел и на эстонских большевиков. Так, в декабре 1918 года, после того как Совнарком утвердил написанный Сталиным проект декрета о признании независимости Эстляндской Советской республики, нарком провел разъяснительную работу с председателем и заведующим отделом Совета Эстляндской Трудовой Коммуны Яном Яновичем Анвельтом, смысл которой заключался в том, чтобы эстонские большевики четко осознали относительность собственной «независимости». И.В. Сталин указывал Анвельту на то, что «в своем декрете о независимости Эстляндии мы только обошли военный и железнодорожный вопрос, так как этот вопрос тесно связан с вопросом о стратегии, которая должна быть одна во всей Прибалтике. Думаем, мы все от этого только выиграем. Конечно, формально неудобно, если у правительства не будет своего командующего, но вы всегда можете назначить военкома (кажется, вы и есть руководитель военных сил Эстляндии)». Чтобы хоть как-то компенсировать эстонцам их условную независимость, Сталин пообещал Анвельту «заставить агентство «Роста» писать не «наши войска заняли то-то и то-то», а

«войска Эстляндского Советского правительства отвоевали то-то». Я со своей стороны обяжу здешнюю «Роста» писать только указанным способом» [25, л. 1].

Если со стороны большевиков-прибалтов жесткая политика и указания центра не встречали серьезных возражений, то в Белоруссии, в которой без восторга встретили приезд сформированного в Москве в декабре 1918 года Временного революционного правительства Белоруссии. 1 января 1919 года председатель комитета РКП (б) Северо-Западной области Александр Федорович Мясников телеграфировал И.В. Сталину о том, что председатель новоиспеченного правительства Дмитрий Федорович Жилунович потребовал от центрального бюро КП Белоруссии слиться с аналогичным центром, созданным в Москве в качестве довеска к правительству, после чего «несмотря на всю готовность Центрального бюро идти навстречу приехавшим товарищам, последние почему-то с самого начала поставили себя в изолированное положение, устраивая свои совещания, противопоставляя себя нам и выставляя ряд ультиматумов... Если мы хотим осуществления всего того, относительно чего договорились с Вами в Москве, то единственный путь для этого – предложение ЦК прибывшим товарищам подчиниться его решениям и на основании его работать с нами рука об руку» [26, л. 1–2]. Реакция Сталина была очень быстрой и жесткой. Видя возможный правительственный кризис из-за отсутствия публикации самого манифеста об образовании правительства, он пообещал Александру Федоровичу Мясникову, что Дмитрий Федорович Жилунович и его команда будут всецело подчиняться ЦК партии, а от Жилуновича потребовал немедленной публикации манифеста [27, л. 1]. В результате в тот же день, 1-го января 1919 года, манифест был опубликован.

В марте 1919 года И.В. Сталину вновь пришлось столкнуться с оппозиционными настроениями белорусских лидеров и выступить в защиту представителя ЦК Адольфа Абрамовича Иоффе, откомандированного в Белоруссию решением ЦК РКП (б) от 16 января 1919 года для проведения через местные органы власти решения вопроса о выделении из Белоруссии Витебской, Смоленской и Мо-

гилевской губерний, для переговоров об объединении республики с РСФСР и образовании Литовско-Белорусской республики [28, с. 174]. В конце февраля – начале марта 1919 года на партийной конференции Минской губернии секретарь Центрального бюро КП Белоруссии В.Г. Кнорин и члены этого бюро Найденов и Рейнгольд провели резолюцию с выражением недоверия Иоффе и с требованием его отъезда из Белоруссии. Главной причиной такого решения было несогласие белорусских большевиков с выделением из их республики трех губерний. В ответ на эту акцию Сталин отправил 3 марта 1919 года белорусам телеграмму о том, что «ЦК партии высказывает полное одобрение деятельности товарища Иоффе, жалеет, что Иоффе проводит мягкую политику по отношению к Центральному Бюро и предупреждает, что если они не подтвердят фактами обвинения Иоффе в национализме, то будут привлечены к ответственности за клевету» [29, л. 1].

Дальнейшие события 1919 года «отвлекли» И.В. Сталина от конкретной работы по национально-государственному строительству в связи с постоянными командировками на фронт и совместительству в Наркомате Рабоче-крестьянской Инспекции. Благодаря активной закулисной деятельности Л.Д. Троцкого и Л.Б. Каменева Наркомат по делам национальностей начинает утрачивать свое влияние на формирование национально-государственной политики. В июне 1919 года ВЦИК не включил наркомнаца Сталина в рабочую комиссию по разработке вопроса о конкретных формах объединения РСФСР и советских республик под председательством Л.Б. Каменева. В знак протеста Сталин подал 5 июля 1919 года прошение об отставке с поста наркома по делам национальностей [30, с. 251], но она не была принята. Ленин по-прежнему ценит его опыт и прислушивается к его советам. В Политбюро высоко ценились участие И.В. Сталина в разработке важнейших документов, регулирующих взаимоотношения центра и окраин, по борьбе с сепаратизмом и сталинская способность к гибкому лавированию в щекотливых ситуациях. Так, на его заседании 17 ноября 1919 года принимается решение отложить вопрос о назначении дня проведения совместного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК по поводу Украины и Армении «ввиду того, что товарищ Сталин на этом заседании присутствовать не может» [31, с. 176].

С начала 1920 года И.В. Сталину все чаще приходится сталкиваться со сложными геополитическими задачами и серьезными дипломатическими проблемами, требующими от него не только обширных знаний в географии, экономике, этнографии и других областях, но и такого изученного рационалистически чувства, как интуиция. Современные исследователи признают высокий общеобразовательный уровень Сталина, но исторические факты свидетельствуют о том, что его интуиция, помноженная на большой политический опыт, помогала ему в очень непростых ситуациях, за редкими исключениями, безотказно. В 1920 году И.В. Сталину не раз было суждено оказываться в положении профессионального дипломата и геополитика-практика, успешно разрешавшего ряд сложных проблем, в частности, проблему присоединения Закавказья. В начале 1920 года он заботится о том, чтобы на возвращенных России территориях оперативно создавались дипломатические представительства из состава кадровых работников Наркомата по иностранным делам. В феврале 1920 года он пишет наркоминделу Георгию Васильевичу Чичерину о том, что «во всех приморских городах остаются после белых некоторые представители тех или иных мелких и средних государств, с которыми иногда представляется необходимость говорить дипломатическим языком, при чем Вам хорошо известно, что наши начдивы и комбриги не отличаются дипломатическими способностями. Я уже не говорю вероятности переговоров с румынским командованием где-нибудь в Тирасполе, причем понятно, что без участия Ваших представителей такие переговоры не должны быть допущены» [32, л. 1].

В феврале 1920 года, Сталин употребляет все свое влияние, чтобы не допустить признания Москвой независимости Азербайджана. С этой просьбой обратился министр иностранных дел Азербайджана Фатали Хан Хойский: «Азербайджанское правительство, считая себя нейтральным в происходящей борьбе в России, выдворило из Баку генерала Пржевальского со всем его штабом и не только не допускало в местностях Азербайджана мобилизации русских офицеров для включения их в армию А.И. Деникина, но даже категорически запретило генералу М.А. Пржевальскому поместить в газетах объявление о призыве русских офицеров в городе Петровске. Азербайджанское правительство не только никогда

не предпринимало каких-либо шагов против горцев Дагестана и Северного Кавказа в их борьбе за свою свободу и независимость с генералом Деникиным, но наоборот правительство Азербайджана всегда всеми доступными ему средствами оказывало и оказывает горцам поддержку в этой борьбе, неуклонно добиваясь удаления сил Деникина из их территории» [33, л. 4]. Азербайджанские мусаватисты действительно противодействовали Деникину, поэтому член РВС 11-й армии С. М. Киров сообщил Чичерину о том, что «Закавказский краевой комитет (РКП (б) – С. Д.) полагает необходимым признание независимости Азербайджана» [33, л. 4]. И.В. Сталин, находившийся в Харькове в качестве члена РВС Южного фронта и председателя Украинского Совета Трудовой армии, посылает 12 февраля 1920 года в Москву следующую телеграмму: «Предлагаю ответить Хан Хойскому по-старому, то есть: фразой о признании нами права наций на самоопределение, подкрепить эту фразу эстонским примером, но сделать ударение на необходимость разрыва с Деникиным и борьбы с ним как на основном моменте. Безусловное и категорическое признание независимости Азербайджана считаю недопустимым. Сталин» [33, л. 1]. Такая модель взаимоотношений с Азербайджаном оказалась гораздо более успешной, чем намерение Закавказского крайкома РКП (б) признать его независимость. В конце апреля 1920 года большевики смогли добиться присоединения Азербайджана к Советской России, что было для Москвы куда более выгодно, нежели «игры» в независимость с враждебным России режимом мусаватистов.

Летом 1920 года И.В. Сталин сыграл немалую роль в первоначально успешном продвижении на западноукраинские земли, которые поляки вновь решили колонизировать, воспользовавшись внутрироссийской смутой. В ходе советско-польской войны на Западной Украине член РВС Юго-Западного фронта Сталин достаточно умело разыграл антипольскую карту. С XVII века русские люди, как отмечал известный историк Русской Православной Церкви Антон Владимирович Карташов, не желали быть уничтоженными и образовали на Галичине «особый национальный тип, упорно отстаивший себя от колонизации», что заставило польские власти начать «открытое, легальное» гонение на православие с целью его

полного истребления» [34, с. 268]. Подогревая антипольские настроения на западноукраинских землях, И.В. Сталин определил правильный вектор движения к завоеванию симпатий местного населения. 17 июня 1920 года он передал в 1-ю Конную Армию директиву «О поведении в занятых селениях и городах бойцов Конноармии», где указал, в частности, на необходимость того, чтобы «в каждом городе, в каждом местечке по пути следования конноармии» польских помещиков и интеллигентов «надо арестовывать и направлять в концентрационный лагерь, если его нет в вашей районе, должен быть создан обязательно». По отношению к украинцам Галиции Сталин предлагал применять совершенно иную политику: «Относитесь бережно к военнопленным украинцам из Галиции (русины) – (так в тексте – С.Д.), не только к крестьянам, но и к интеллигенции, внушите им, что если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас, мы пойдем на Львов для того, чтобы освободить его и отдать галицийским украинцам, выгнать оттуда поляков и помочь угнетенным украинцам-галицийцам создать свое независимое государство, пусть даже не советское, но... благожелательное, дружественное к РСФСР. Это поднимет революционный дух галицийских крестьян в тылу у поляков и подорвет силы Польши, что нам выгодно, как знаете это сами» [35, л. 1–2]. По сути дела, И.В. Сталин предлагает не просто определенную тактику в отношении украинцев Галиции, но и выдвигает идею образования на западных границах России буферного антипольского государства, что для новой российской государственности было жизненно необходимо, так как Польша была достаточно сильна для очередной экспансии украинских земель. На Западной Украине большевиков встречали как избавителей от польского ига. Председатель Галицийского ревкома Владимир Петрович Затонский в своем отчете ЦК РКП (б) от 15 сентября 1920 года сообщал о том, что «украинская часть населения Восточной Галиции на первых порах, не исключая даже интеллигенции и попов, принимают нас восторженно как избавителей от польского ига... Национализм заметно спадает. ореол национальных вождей интеллигентов после опыта хозяйничанья голубовичей, петрушевичей, петлюр, после их очевидных измен даже национальному делу по-

мерк... Революционным ферментом являются галичане, прошедшие школу русской революции, а также «американцы». Почти в каждом селе можно отыскать такого «американца», вернувшегося из американской эмиграции, или индустриального рабочего, либо шахтера, побывавшего в Саксонии или Вене» [36, л. 1–2]. К своему отчету Затонский приложил любопытный документ – письмо заведующего юридически-квалификационным отделом Галицийского ревкома некоего Федора Конара на имя Владимира Кирилловича Винниченко от 10 июля 1920 года. Конар был изобличен местными чекистами как внедрившийся в ревком националист. Из его письма следует, что «крестьянство на Правобережье после очередного налета, неузнаваемо. Всюду идут «академические» дебаты про устройство, про власть. Отношение к России настолько невероятно хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же «проклятые» галичане. Те галичане, которые были в Красной Армии и захвачены поляками или добровольно перешли на их сторону, помещены в концентрационные лагеря. Думаю, что это рациональный способ вылечить галичан от мессианизма и галициомании. После некоторой отсидки в лагере выйдут порядочными людьми» [36, л. 14–15]. Как видим, идейные украинские националисты из лагеря Винниченко-Петлюры, мягко говоря, без гуманизма относились к «мессианизму» и «галициомании» своих единоплеменников из Западной Украины, что являлось для большевиков в целом и для Сталина в частности весомым аргументом в пользу образования буферного антипольского государства.

Быстрое и успешное продвижение в Польшу вскружило голову Л.Д. Троцкому и его сподвижникам. Неизбежность крушения режима Пилсудского была для руководства большевиков столь очевидна, что на каком-то этапе оно «прозевало» момент сплочения польского народа в борьбе против Красной Армии. Катастрофа Западного фронта в геополитическом смысле означала, что Россия вновь без учета своих национальных интересов попыталась «переварить» Польшу. Военные успехи и хороший прием большевиков в Галиции породили эйфорические настроения у И.В. Сталина. 13 июля 1920 года он писал Ленину о том, что «поляки пере-

живают развал, от которого они не скоро оправятся. Это обстоятельство, очевидно, хорошо известно Керзону, который старается теперь спасти поляков своими предложениями о перемирии. Этим обстоятельством нужно объяснить то предложение на счет Врангеля, ибо с поражением Польши Врангель теряет значение, а англичане теряют Крым... Предлагаю: 1. В ответ на их ноту о Польше не давать определенного ответа, подчеркнуть в общих фразах миролюбие России и сказать, что, если Польша, в самом деле, хочет мира, она могла бы обратиться к России непосредственно (Это дает выиграть время). 2. О Врангеле нужно, во-первых, подчеркнуть, что посредничество Керзона между Врангелем и Советским правительством, раз уже имевшее место, не оправдало себя, во-вторых, указать, что Крым еще не отторгнут от России, а Врангель – русский генерал, все внутренние вопросы, в том числе и Крымский вопрос, Россия будет разрешать самостоятельно. Я думаю, что никогда не был империализм так слаб как теперь, в момент крушения Польши, и никогда не были мы так сильны как теперь, потому чем тверже вести себя, тем лучше будет и для России и для международной революции» [36, л. 1]. Рижский мир 1921 года, отторгнувший от России западноукраинские и западно-белорусские земли, заставил Сталина похоронить это письмо в партийных архивах. Воспоминания об упущенных возможностях в советско-польской войне 1920 года были для него столь неприятны, что даже когда в 1935 году к 15-летию этой войны «Правда» собиралась опубликовать вышеприведенное письмо и две телеграммы Ленина, в которых вождь большевиков предавался таким же оптимистическим мечтаниям, Сталин отдал директору ИМЭЛ Владимиру Викторовичу Адоратскому лаконичный приказ: «Не следует публиковать. И. Сталин» [37, л. 1].

В геополитическом плане советско-польская война была обречена с самого начала, поскольку во главу угла большевиками были поставлены не национальные интересы, а космополитическая цель – троцкистская доктрина мировой революции, которой поляки противопоставили священную национальную идею – защиту своего отечества от внешней агрессии. И.В. Сталин, являясь в тот исторический период сторонником мировой революции, как и вся верхушка РКП (б), был страте-

гически и тактически дальновиднее многих своих соратников, выдвинув геополитическую идею образования буферного антипольского государства в Галиции. Именно эта идея имела реальные шансы на успех, но она была похоронена эйфорией освободительного похода в Европу под космополитическими лозунгами мировой революции. Именно доктринальные установки большевиков, а не военные нестыковки Западного и Юго-Западного фронтов в ходе конкретных боевых действий с поляками, привели Россию к Рижскому миру. Ленину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву и др., а не Сталину, не хватило элементарных знаний из области геостратегии – одной из главных составляющих геополитики, ее фундаментального положения о том, что всякая война, не преследующая здоровый национальный интерес, война ради личного спокойствия или во имя космополитической теории – обречена на неудачу.

Это научное положение в конце XIX века обосновал выдающийся русский военный историк и мыслитель Евгений Иванович Мартынов, павший жертвой репрессий 1930-х годов. Проанализировав все войны 1-й половины XIX века, он пришел к выводу о том, что, вторгаясь в Европу для «борьбы с революцией или во имя монархического принципа», руководящая идея российской политики «была неверна и потому Россия не извлекла из этого, по большей части удачных войн, никакой существенной пользы. Наоборот, мы даже затрудняли себе разрешение наших исторических задач, своими руками создав могущество тех государств, которые в настоящее время стоят нам на пути. Между тем, кампания 1799, 1805, 1807, 1812, 1813, 1844, 1848 и Восточная война 1853–1856 годов стоили русскому государству около двух миллионов человеческих жизней и почти миллиард металлических рублей...» [38, с. 67–68, 76–77]. К сожалению, в XX веке, особенно после смерти И.В. Сталина, Москва не удержалась от соблазна геополитически бесцельно вторгаться в Европу, очутившись в итоге к началу нынешнего столетия в тисках НАТО. Не поняла и не приняла властная и интеллектуальная элита постленинской России политического завещания выдающегося русского мыслителя Н.Я. Данилевского: «весьма возможно, полезно и даже необходимо» смотреть на Европу «с русской точки зрения», помня о многовековой враждебности ее

к России, и добиваться того, чтобы наши отношения с Европой были только «близкими», но никак не «интимными, родственными, душевными» [39, с. 440–441].

В ходе советизации Армении и Грузии в 1920–1921 гг. И.В. Сталин проявил недюжинные способности геополитика-практика и взял политический реванш за неудачи большевиков в советско-польской войне. Ситуация в Закавказье была весьма сложной и запутанной. Летом 1920 года Турция начала войну против Армении, стремясь добиться отмены Севрского договора, согласно которому турки лишились некоторых своих земель. В ноябре 1920 года, когда турецкие войска захватили Карс и Александрополь, большевики оказались перед сложной дилеммой, с одной стороны – им импонировало то, что поддерживаемые ими турецкие националисты во главе с Кемалем Ататюрком практически вытесняли с Кавказа и из Средиземноморья Великобританию; с другой стороны – потворство Турции в войне против Армении было опасно из-за того, что турки выдвигали территориальные претензии не только армянам, но и Грузии на районы Артина, Ардагана и даже на стратегически важный порт Батуми – единственный порт, откуда Россия могла экспортировать нефть из бакинских промыслов на внешний рынок. В этой ситуации надо было найти такой выход, чтобы одновременно добиться устранения влияния в Закавказье англичан, и не дать разыграться захватническим устремлениям турецких националистов. 4 ноября 1920 года создавшееся положение обсуждалось на заседании Политбюро ЦК КП Азербайджана, которое вел Сталин. Сначала был заслушан доклад полпреда РСФСР в Грузии Арона Львовича Шейнмана. Полпред рассказал о тяжелом экономическом положении Грузии, вызванном отсутствием валюты и иностранных займов, а также поведал о своей беседе с председателем грузинского правительства Ноя Жордания, из которой «я мог бы заключить, что он стоит за соглашение с Россией... Линия соглашения с Россией признана очевидно большинством правительства. Правительству Грузии придется туго, но внутри неё нет сил, которые могли бы его свергнуть: коммунистические силы обескровлены, рабочие такие же лавочники, как и само правительство, крестьяне кое на чем успокоились, армия, пожалуй, дралась бы с Советской Россией, там намечается некоторое бряцание оружием». В заключении Шейнман

сделал вывод о том, что несоветская Грузия будет выгодна России «как транзитная страна, как буфер между нами и Антантой», и проинформировал собравшихся о том, что он получил от грузинского правительства запрос – «можем ли мы гарантировать безопасность Грузии со стороны Кемалю?» [40, л. 1–3]. Слово взял И.В. Сталин: «Москва о Кемале ничего не знает... Кемалю была послана телеграмма из Москвы, чтобы он прекратил наступление, но получил ли он её неизвестно... Недавно прибывший от Кемалю коммунист... говорит, что Кемаль не прочь вести переговоры с султаном (он за Антанту). Кемалисты предъявляют требования на Фракию и еще кое-какие, но у него нет денег и припасов. Переговоры с султаном могут изменить положение в сторону для нас не лучшую...» [40, л. 3]. Исходя из сложившегося положения, Сталин и Орджоникидзе отправили 5 ноября 1920 года телеграмму Г.В. Чичерину, в которой настаивали на командировании в Турцию надежных представителей, а также сообщили о принятых решениях на заседании Политбюро ЦК КП Азербайджана, во-первых, Сталин и Орджоникидзе отвергли проект полпреда РСФСР в Армении Бориса Васильевича Леграна передать Армении Нахичеванский и Зангезурские уезды, получив за это право провоза через её территорию оружия туркам, если последние согласятся отойти к границам 1914 года; во-вторых, они одобрили проект договора между Грузией и Азербайджаном, по которому Грузия обязалась ничем не помогать Врангелю и северокавказским антибольшевистским силам, произвести амнистию грузинским коммунистам, за что она получала возможность сбывать в Азербайджан свои товары, а азербайджанские власти брали обязательство увеличить поставки нефти в Грузию от 750 тысяч до миллиона пудов ежемесячно [41, л. 1].

Таким образом, И.В. Сталин успешно решил двойную геополитическую задачу, отвергнув проект Леграна, Москва умывала руки, отдавая Армению на растерзание Кемалю; договор с Грузией должен был усилить грузинскую политику «нейтралитета» в Закавказье, которая помогла в апреле 1920 года проникновению большевиков в Азербайджан, а теперь должна была помочь Москве в проникновении в Армению. Оба решения были единственно возможными для большевиков в

тот исторический момент. Проект Лиги Наций был утопией – ни турецкие националисты, ни армянские дашнаки не желали поступаться спорными территориями, более того, дашнаки были совершенно невыгодными союзниками, так как опирались на Великобританию – врага Советской России, а кемалисты были и против дашнаков и объективно ограничивали влияние англичан в Закавказье. Грузию же тривиально подкупили – чтобы она не вмешивалась в российские дела в Азербайджане и Армении. Находясь в Баку, И.В. Сталин осознавал прямую зависимость дальнейшей политики большевиков в Закавказье от изменений позиции Кемаля в отношении Великобритании, чего нельзя сказать о наркоче иностранных дел Чичерине, которому из Москвы почему-то казалось, что Грузия очень близка к тесному союзу с Великобританией, а армян надо спасать от турецкого геноцида. 8 ноября 1920 года Чичерин настойчиво убеждает Сталина в том, что необходимо «накоплять силы» для одновременного скорого вторжения в Армению и в Грузию, чтобы предотвратить «поголовную резню» армян турками и возможный союз Грузии с Англией [42, л. 1 об.]. В ответной телеграмме от 9 ноября 1920 года Сталин проинформировал Чичерина, что действует «по обстановке», готовит работу по вторжению в Грузию в случае оккупации Батума англичанами, но, в конечном счете, все его действия будут зависеть от того, «какую позицию займут турки в связи с переговорами с Антантой» [42, л. 1].

Дальнейшие события подтвердили правильность выжидательной позиции И.В. Сталина. Кемаль перестал заигрывать с султаном и продолжил активные боевые действия против Армении. Сталин продемонстрировал в этой ситуации кемалистам поддержку большевиков, добиваясь одновременно того, чтобы они не захватили Батум. 15 ноября 1920 года он телеграфирует Ленину и Чичерину о том, что «английская и врангельская миссии ушли из Армении. Махинации англокомиссара Стокса не удалась. По данным: Англия не успела еще приручить кемалистов. Я посоветовал Мдивани (в то время посредник между большевиками и кемалистами – С.Д.) проверить последний вывод на месте в Турции и сообщить свое заключение, не ссориться с турками из-за дашнаков, обратить внимание на Батумокруг, не ставить прямо вопрос об отводе турецких частей к старой границе, ограничиться пока

образованием смешанной комиссии с нашим участием, расколоть дашнаков и повести за собой левую часть в деле образования ревкома, не принимать решений без санкций центра...» [43, л. 1]. Таким тактическим маневром И.В. Сталин и загнал в ловушку между большевиками и турецкими националистами армянских дашнаков. 1 декабря 1920 года перед занятием большевиками Еревана, армянский ревком получил приветственную телеграмму из штаба кемалистов [15, с. 414].

Советизация Армении означала приближающийся конец последнего «независимого» государства Закавказья – Грузии. Спокойно наблюдая советизацию Армению и Азербайджана, грузинское правительство легковесно купилось на поставки азербайджанской нефти, надеясь уцелеть в переделе Закавказья, который осуществили большевики и кемалисты. В итоге грузинские меньшевики попали в такую же ловушку, как и армянские дашнаки – 21 февраля 1921 года грузинскую границу перешли большевики, два дня спустя это сделали и кемалисты. В марте 1921 года последнее «независимое» государство Закавказья исчезло с политической карты мира. Главной заслугой И.В. Сталина в советизации Грузии было то обстоятельство, что он приложил все усилия, чтобы турки не претендовали на Батум. 28 февраля 1921 года он телеграфировал Ленину о том, что «уступить Артвин туркам можно, но пускать их дальше нельзя: Батум нам нужен до крайности, так как множество нефтяных баков (резервуаров), имеющихся в Батуме, представляют необходимое условие для накопления нефти в Батуме и продажа ее в Европе – без этого нечего и думать о продаже нефти в большом количестве, и вообще о торговле нефтью» [44, л. 4]. Это предложение возымело действие – Батум турки не получили. Советизация Армении и Грузии была успешной во многом благодаря тому, что Сталин очень отлично понимал общее геополитическое значение Закавказья для России. По этому поводу он вполне определенно высказался 30 ноября 1920 года в интервью «Правде»: «Важное значение Кавказа для революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности, между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум – Баку, Батум – Тевриз, Ба-

тум – Тевриз – Эрзерум). Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом Черного моря, хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток через Закавказье. Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими вглубь Азии, революция или Антанта – в этом весь вопрос» [15, с. 408].

Можно соглашаться или не соглашаться с гипотетическим предположением американского историка Роберта Такера о том, что от такого описания Закавказья «загорелись бы глаза у доктора Карла Хаусхофера, немецкого теоретика геополитики» [45, с. 210], но для нас, очевидно, то, что такое четкое осмысление геополитического значения Закавказья помогло И.В. Сталину в его успешной политической деятельности в этом регионе в 1920–1921 годы. Советизация Армении и Грузии – первое геополитическое достижение Сталина в борьбе большевиков за утраченные территории после разгрома основных сил интервентов и Белого движения. В исторический период от взятия власти большевиками до советизации Грузии, И.В. Сталин приобрел значительный политический опыт национально-государственного строительства, он был одним из главных участников процесса воссоединения России в единое государство и основным из тех, кто сделал этот процесс необратимым.

Централистскую политику большевиков активно приветствовали их недавние противники. Так, бывший управляющий делами правительства А.В. Колчака Георгий Константинович Гинс, находясь в эмиграции, писал в своих мемуарах о том, что «в одном только большевизм и его враги сошлись, несмотря на глубокое идейное различие. Это в вопросе о единой России... Россию надо было воссоздать по частям, но адмирал Колчак и генерал А.И. Деникин не могли найти общего языка с теми, кто проявил склонность к сепаратизму. Большевики, как интернационалисты, совершенно безучастно относящиеся к идее единой России, фактически объединили ее и почти разрешили проблему воссоздания России, направив ее развитие в новое русло» [46, с. 82]. Известный отечественный политик Василий Витальевич Шульгин считал, что знамя единой России большевики подняли, бессознательно подчинившись «Белой мысли», которая «прокравшись

через фронт, покорила их подсознание» [47, с. 528]. Отечественная историческая наука в отличие от зарубежной историографии так и не рискнула приступить к изучению подсознания Сталина, поскольку не владеет теми приемами психоанализа и мистицизма, которыми обладал Шульгин, но проанализированные историками факты относительно централистской деятельности большевиков убедительно приводят к выводу о том, что знамя единой России было поднято И.В. Сталиным для решения конкретных геополитических проблем новой России, связанных со всеохватывающей бывшую Российскую Империю иностранной интервенцией и Гражданской войной, а также осознанием пагубности сепаратистских процессов для стабильного развития новой российской государственности.

Список литературы

1. Карр Э. история Советской России. Большеви́стская революция. 1917–1923. – М., 1990. – Т. 1.
2. ГАРФ. Ф. 1318, Оп. 1, Д. 88.
3. ГАРФ. Ф. 1318, Оп. 1, Д. 45.
4. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4640.
5. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4585.
6. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 2035.
7. Агурский М. Идеология национал-большевизма / М. Агурский. – М., 2003.
8. История России. 1917–1940: Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993.
9. РГАСПИ. Ф. 64, Оп. 1, Д. 249.
10. ГАРФ. Ф. 1318, Оп. 1, Д. 45.
11. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 3575.
12. ГАРФ. Ф. 1318, Оп. 1, Д. 45.
13. Бугай Н.Ф. Казаки – представители русского народа: проблемы реабилитации / Н.Ф. Бугай // Русский народ. Историческая судьба в XX веке. – М., 1993.
14. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1982.

15. Сталин И.Ф. Сочинения. – Т. 4.
16. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 164.
17. ГАРФ. Ф. 1318, Оп. 1, Д. 72.
18. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 560.
19. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4390.
20. ГАРФ. Ф. 1318, Оп. 1, Д. 100.
21. Устрялов Н.В. *Patriotica* / Н.В. Устрялов // Смена вех. – Прага, 1921.
22. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – М., 1991.
23. Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории / Х.Д. Маккиндер // Политические исследования. – 1995. – №4.
24. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 128.
25. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4574.
26. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 3521.
27. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 3521; 3523.
28. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и акты). Сентябрь 1918 – январь 1919 гг. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – №6.
29. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4670.
30. Ненароков А.П. Председатель по делам национальностей И.В. Джугашвили (Сталин) / А.П. Ненароков // Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 г. – М., 1991.
31. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 15 ноября – 4 декабря 1919 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №6.
32. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1480.
33. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1476.
34. арташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви / А.В. Карташов. – М., 1991. – Т. 2.
35. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1737.
36. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1969.
37. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 3174.

38. Мартынов Е.А. Обязанности политики по отношению к стратегии / Е.А. Мартынов // Хорошо забытое старое. – М., 1991.
39. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М., 1991.
40. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1886.
41. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 5224.
42. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 1992.
43. РГАСПИ. Ф. 558, Д. 5211.
44. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 2062.
45. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность / Р. Такер. М. 1991.
46. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.
47. Шульгин В.В. Дни. 1920 / В.В. Шульгин. – М., 1989.
-

Данильченко Сергей Леонидович – д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ, руководитель научно-методического центра развития образования, советник директора Филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе, Россия, Севастополь.

Danilchenko Sergey Leonidovich – doctor of historical sciences, professor, academic of Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of Medical and Technical Sciences, Russian Academy of Natural History, head of Research Guidance Center of Education Development, Deputy Director of the Branch FSFEI of HE “M.V. Lomonosov Moscow State University” in Sevastopol, Russia, Sevastopol.
